

История и право

**К проблеме исследования депортации народов в Кыргызстан
в годы Великой Отечественной войны**

Гульнара Дженишовна Джунушалиева

Кыргызско-Российский славянский университет, Киргизия
720021, г. Бишкек, ул. Киевская, 44
Кандидат исторических наук, доцент
E-mail: nachikyan@mail.ru

Аннотация. Данная статья отражает историю депортации в Кыргызстан в период Великой Отечественной войны ряда народов, проживавших в Чечено-Ингушской АССР. Освещается процесс депортации и жизнь спецпереселенцев в Кыргызстане. На основе недавно рассекреченных архивных документов Центрального Государственного Архива Кыргызской Республики и Центрального Государственного Архива Политической Документации Кыргызской Республики исследуется проблема нового исторического осмысления советского прошлого.

УДК 913.1
(093.2)
325.254.6
(575.2)

Ключевые слова: спецпереселенцы, спецкомендатура, депортация, трудовое обустройство, жители Северного Кавказа.

Современное постсоветское пространство, в том числе и Кыргызская Республика, находятся сейчас на важном этапе формирования своей национально-культурной системы, являющейся составной частью межэтнических взаимоотношений в регионе. Одной из наиболее значимых ролей в этом процессе отводится историческому осмыслению и объективному анализу всех этапов советской истории, которая включала в себя как позитивные, так и негативные аспекты.

Важнейшую, хотя и трагическую роль в становлении советского государства – подъема экономики, создания интернационального образа советского человека, развития внутригосударственных коммуникаций, этапов государственного строительства в СССР, становления социально-культурных дефиниций, – несомненно сыграли этнические депортации, которые, несмотря на трагедию переселяемых народов, в целом позитивно отразились на развитии республики Кыргызстан.

Тем не менее, очевидно, что объективная оценка прошлого страны, в частности вопросов депортации, позволит избежать многих межэтнических трагедий современности. И это является важнейшей составляющей функционирования современного гражданского общества, обеспечивающей бесперебойное межэтническое взаимодействие экономических, интеллектуальных, правовых, образовательных ресурсов как внутри государства, так и за его пределами.

Сегодня Кыргызская Республика идет по пути больших социально-экономических преобразований, связанных со строительством суверенного государства, открытого общества, основанного на принципах демократии и межкультурной интеграции. Эти процессы не могут нормально взаимодействовать без объективной и универсальной оценки собственной и совместной истории, так как она является одной из важнейших составляющих при строительстве современного общества.

Депортация как элемент классовой борьбы и элемент наказания, несомненно, была одной из самых значительных составляющих репрессивного аппарата советского государства. Если в предвоенные годы депортация решала классовые и геополитические проблемы государства, то Великая Отечественная война в СССР способствовала ужесточению политического режима: окончательно утвердился культ личности Сталина, сформировался фундамент командно-административной системы.

В то же время нельзя отрицать, что суровые условия военного положения требовали чрезвычайных мер. Одним из следствий войны явилась этническая депортация, которая была объявлена в отношении «неблагонадежных народов», социальных групп «изменников родины», военнопленных и т.д. Это привело к характеристике советской истории 1940–1950 гг.

как периода массовой депортации народов с их исторической родины и их культурно-социальной и экономической адаптации на новых местах расселения, в основном в Сибирском и Среднеазиатском регионе, в том числе и на территории современного Кыргызстана.

На сегодняшний день, в силу нового исторического осмысления советского прошлого, для устранения межэтнических противоречий и объективной оценки периода массовых репрессий возникла историческая потребность в глубоком и всестороннем освещении данной проблемы. Почему?

Во-первых, в современном обществе назрело немало вопросов о мотивах и причинах, методах и масштабах, последствиях и итогах этнической депортации, объективная оценка которых снимает субъективную интерпретацию, направленную на формирование этнической исключительности.

Во-вторых, современное исследование данного вопроса позволяет соединить и сопоставить документальные источники и воспоминания живых свидетелей, участников и жертв депортации, что может более многогранно раскрыть проблему.

В-третьих, исторический аспект эволюции государственного строительства предусматривает не только становление общественно-политических отношений, но и социокультурное взаимодействие этнических групп, задействованных на различных этапах государственного строительства, а это невозможно без объективной оценки совместной истории.

В-четвертых, многочисленные публикации по истории социальных и этнических депортаций не дают универсальный ответ, примеряющий существующие точки зрения на данную проблему, а также объективной оценки данного этапа советской истории.

Дело в том, что основным фактором существования СССР являлось формирование единообразия, направленного на достижение глобальной цели построения социализма и коммунизма, а данная концепция невозможна при существовании иного параллельного мировоззрения в рамках единого государства. Поэтому первоначально классовая борьба сочеталась с уничтожением государственных образований, появившихся после развала Российской империи, и параллельным образованием иных государственных единиц призванных сбалансировать сепаратистские стремления в регионах (на Кавказе таким образованием была Армения, в Средней Азии – Кыргызстан).

Большевикам удалось сделать практически невозможное: вновь объединить в единое государство уже распавшееся, казалось бы, в годы гражданской войны геополитическое пространство, ранее называвшееся Российской империей. При образовании СССР во главу угла большевистским руководством был проставлен принцип национально-территориального обустройства государства, логическим продолжением которого явилась начавшаяся политика депортации, направленная против культурно организованных локальных этносов.

После формирования республиканских единиц в рамках единого государства и первых успехов в классовой борьбе (раскулачивание), приведших к первой социальной депортации, которая явилась моделью для будущего переселения целых народов, возникла необходимость унифицировать облик, мировоззрение и производственную деятельность советского человека – «строителя коммунизма». Все это подтверждается основными положениями «Сталинской Конституции», а также доказывает, что депортация была неизбежна и началась ещё до Великой Отечественной войны (латыши, западные украинцы) а война только ускорила эти процессы.

Депортация затронула социально и культурно локализованные народы, т.е. те этносы, где традиции преобладали над государственными идеями. Лишним подтверждением этого факта является то, что это едва ли не единственный признак, объединяющий все переселенные этносы, которые стояли друг от друга на различных социально-экономических ступенях развития.

Несмотря на глобальную трагедию, нельзя не отметить и того, что на территориях, где расселяли депортированных, появление новых рабочих рук позволило дополнительно осваивать новые отрасли экономики, стимулировало местное население социально и идеологически себя идентифицировать, что также соответствовало принципам строительства социалистического государства, то есть этническая справедливость заменялась социальной справедливостью.

На сегодняшний день малоизученным остается вопрос о трудовом, культурном вкладе депортированных народов в экономику страны в целом и среднеазиатского региона в частности. Дело в том, что с момента своего осуществления и до конца 1980-х гг. принудительные миграции в СССР были одной из самых закрытых тем. Этому есть объективные

причины: архивные материалы долгое время оставались достоянием исключительно органов государственной безопасности, да и сама тема в рамках официальной истории советской идеологии оставалась запретной. Кыргызстанские историки приступили к изучению вопросов депортации лишь с конца 1980-х гг. И только по инициативе Архивного агентства КР, Национальной академии наук и КРСУ в 2010 г. был издан фундаментальный сборник документов и материалов «Депортированные народы Кавказа в Кыргызскую Республику».

К депортациям, то есть насильственному переселению народов, правительство прибегло сразу же после установления советской власти, но особого размаха это движение достигло в годы Великой Отечественной войны, и это несмотря на внешнее провозглашение демократических принципов развития общества [1].

Процесс переселения начался с ликвидации Чечено-Ингушской АССР, которая в Кавказском регионе представляла собой определенную политическую и идеологическую значимость. Официальная точка зрения была обозначена в указе № 116 Мо2 Президиума Верховного Совета СССР, причина объяснялась «...тем, что в период Отечественной войны многие чеченцы и ингуши изменили Родине, переходили на сторону фашистских оккупантов...» [2].

Современное право не признает коллективного наказанием народа на солидарной основе, на принципе круговой поруки, за вину части мужчин. Применяя такие меры, государство отказывалось от выяснения индивидуальной вины и преследования отдельных личностей. Этот вид наказания более свойственен традиционным сообществам. Необычность этого наказания видна уже из того, что при депортации не ликвидировались партийные и комсомольские организации. Так, среди выселенных чеченцев было более 1 тыс. членов ВКП(б) и около 900 комсомольцев, сотни офицеров Красной Армии. В частности, в Кыргызстан по данным на март 1944 г. было депортировано 10880 человек, из них 22 человека занимали руководящие должности в составе ликвидированной Чечено-Ингушской АССР[3]; «...прибыло в область членов КП(б) – 60 чел., канд. чл. ВКП(б) – 47 чел. ВЛКСМ – 122 чел.» [4].

Судьба депортированных на новом месте не отличалась лучшими условиями жизни, так как всё приходилось начинать с начала. Нечеловеческие условия жизни, голод, тяжелый физический труд, болезни приводили к гибели тысяч людей. Факты отчаянного положения спецпереселенцев вынуждены были признавать даже официальные власти: «...по комендатуре выявлено крайне истощенных 73 человека, ...13 человек умерло... Медицинское обслуживание крайне плохо, санитарная обработка отсутствует...»[5], «... не приняты все переселенцы по причине халатного отношения председателей колхозов ... отмечается низкая трудовая дисциплина, по причине постоянного недоедания...»[6]. Трагедия заключалась в том, что у переселенцев с Кавказа фактически не оставалось времени на адаптацию к местным условиям.

По прибытии депортированные народы в составе 90 тыс. человек распределялись по районам республики согласно заранее утвержденному плану [7]. При региональном распределении абсолютно не учитывались родственные связи, в результате чего многие семьи оказались разъединенными. «... Далеко не везде спецпереселенцам со стороны местной администрации оказывался теплый прием, плохие условия жизни спецпереселенцев используются враждебно настроенными элементами... медобслуживание поставлено плохо... истощенными лежат 73 человека..., эти колхозы на день проверки не имеют никаких продуктов питания для спецпереселенцев...»[8] Все это вело к массовой гибели депортированных, особенно в первый год переселения; как бесстрастно свидетельствуют документы, наиболее распространенными причинами смерти были голод и тиф – болезнь общей антисанитарии.

Советское руководство при депортациях преследовало и такие цели: хозяйственное освоение отдаленных малообжитых районов, получение дешевой рабочей силы для сельскохозяйственного освоения целинных земель. Поэтому план расселения предусматривал и использование труда депортантов. Выбор места и характер работы определялись органами ОГПУ. Было объявлено, что во всех районах поселения депортированным будет обеспечена работа: зимой на производственных участках, летом на сельскохозяйственных работах.

Поселенцы обязаны были точно соблюдать все постановления и указания местной администрации. В положении о правах и обязанностях депортированных народов содержался раздел о правах, но они лишь декларировались. Даже для обращения в местные медицинские учреждения требовалось особое разрешение комендатуры. Ограничены были права переселенцев в культурно-просветительской и общественно-бытовой жизни в селах и поселках Кыргызстана. Но депортируемые не были лишены избирательных прав, хотя и они рассматривались как обязанности.

Депортированные были лишены паспортов, а также были обязаны отмечаться в местных органах НКВД, которым были предоставлены самые широкие права. Указом Президиума Верховного Совета СССР «Об уголовной ответственности за побеги из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны» устанавливалось, что переселение «проведено навечно». Самовольный выезд с мест поселений карался 20 годами каторжных работ. Чтобы избежать каких-либо волнений в связи с выходом этого Указа, чекисты разработали специальную операцию по ознакомлению выселенцев с его содержанием. Всех их, начиная с 16-летнего возраста, вызывали в комендатуру, где «отбирали» расписку об ознакомлении с ним. Они разрабатывали правила внутреннего распорядка, отвечали за политический и общественный порядок в местах компактного проживания депортантов, следили за выполнением норм выработки на производстве, а также применяли меры воздействия: арест до 10 суток, штрафы. Спецпереселенцы формально обладали всеми правами граждан СССР, кроме свободы передвижения. Однако практически каждый, побывавший на спецпоселении в то время, скажет, что это реальная дискриминация касалась не только свободы передвижения. Тем не менее, в разъяснениях отдела спецпоселений говорилось о том, что для них не устанавливалось никакого особого режима, кроме запрета оставлять место жительства. В регионах, где был введен паспортный режим, спецпоселенцам выдавались паспорта со специальной отметкой, где его не было – паспорта изымались. По условиям труда, обеспечению жильем спецпоселенцы формально приравнивались к остальным. Дети их учились в общих школах. Спецпоселенцы-коммунисты могли даже оставаться в партии, если их брала на учет местная парторганизация.

8 января 1945 г. вышло постановление СНК СССР, ставшее в последующие годы основным документом, определяющим права и обязанности спецпоселенцев. По этому постановлению спецпереселенцы, в том числе члены семей бандитов, в местах поселения пользуются всеми правами граждан СССР, за исключением права свободного выезда за пределы района поселения. За побег следовала уголовная ответственность. При этом спецпоселенцы часто расселялись не в изолированных спецпоселках, а были разбросаны по совхозам, колхозам, предприятиям, расселены среди местного населения. Охрана спецпереселенцев в местах поселения не предусматривалась. Для контроля существовали спецкомендатуры НКВД, на которые возлагался учет спецпоселенцев, предотвращение побегов, контроль за их хозяйственным и трудовым устройством, предупреждение беспорядков и т.д.

В годы ссылки среди чеченцев и ингушей резко сократилось число образованных людей, многие из них умерли, молодежь не имела возможности полноценно учиться. Обучение в школах велось на кыргызском и русском языках. На чеченском и ингушском языках уже практически не существовало периодической печати, в небольшом количестве издавалась литература, недоступная большинству, особенно молодежи [9]. По словам бывших спецпоселенцев, была ликвидирована письменность на чеченском и ингушском языках, литературный язык; намеренно задерживался рост национальных кадров [10]. В начальный период депортации духовная культура чеченцев и ингушей понесла значительные потери. Частичное и полное нивелирование национальной интеллигенции сделало невозможным продолжать полноценную творческую и научную деятельность. Депортированные утратили возможность читать книги и газеты на родном языке. Религиозные деятели были в большинстве своем репрессированы, а оставшиеся не имели возможности в условиях антирелигиозной политики центра вести религиозную работу в прежнем объеме [11].

Несколько изменилась политика к депортированным народам с 1957 г., когда она стала носить двойственный характер со стороны государственной власти. Официально в 1957–1960-х гг. началось печатание газет, издание книг и трансляция радиопередач на чеченском и ингушском языках, с другой стороны, преподавание на родном языке ограничивается на уровне среднего образования, что не дало полноценной возможности для воспитания творческой интеллигенции [12].

Подобная либерализация со стороны государства говорит не столько о политике повсеместной русификации, сколько о провале национальной политики Советского государства, проявившемся в частности в обще упадке интереса центра к проблемам регионов, которое особенно ясно стало заметно к концу 1980-х гг. в связи с общим застоём культурной политики в СССР [13]. Происходило упрощение духовной культуры общества в целом, так как на первый план выходили проблемы политической и экономической идентификации, что было следствием политики «демократизации и гласности» времен перестройки. За этот короткий

период было отмечено, что среди чеченцев и ингушей несколько снизился интерес к родной литературе и языку, театру, музыке. Данный процесс был кратковременным и на сегодняшний день, как мы наблюдаем, в эпоху строительства государственных автономий в рамках Российской Федерации он набирает обороты.

Неверная интерпретация истории чеченского и ингушского народов, фактическое изъятие из нее почти двух десятилетий тормозило дальнейшее развитие национального самосознания, порождало примитивное понимание исторической, этнической и культурной самобытности чеченцев и ингушей, сводившееся к слепому следованию мусульманским законам и адату, изоляции от окружающих народов и их культурного влияния; среди чеченцев и ингушей появилась точка зрения о вреде образования, о том, что образование всегда идет в ущерб труду и благосостоянию, о развращающем действии иноэтнического окружения [14].

Необходимо подчеркнуть, что депортация населения наносила ущерб стране, в первую очередь экономике районов прежнего обитания переселяемых народов, их культуре, традициям. Прерывались устоявшиеся экономические и культурные связи между народами-соседями, деформировалось национальное сознание масс. Был заметно подорван авторитет государственной власти.

Одним словом, были осуществлены грубейшие нарушения основного закона государства – Конституции СССР, попораны не только права народов, но и их государственность, поскольку ликвидировались автономные республики, области. Одновременно война высветила и негативы государственной политики в сфере национальных отношений, показала, что в обществе было далеко не все гладко, как это длительное время представлялось официальной государственной пропагандой. Раны, нанесенные народам, не могли быть ими забыты.

Долгие годы потребовались для исправления допущенных крупных ошибок в национальной политике в период Великой Отечественной войны. Они сказываются и поныне.

Подводя итоги вышесказанного, на основе анализа документальных источников можно отметить, что результатами непродуманной национальной политики в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период явились многие политические, социальные и экономические потери среднеазиатского региона и России:

- 1) Был попоран суверенитет республик и областей, нарушены права народов на их свободное развитие;
- 2) Был причинен огромный экономический ущерб. Сельские районы Северного Кавказа, из которых было вывезено население, имеющее многолетний опыт ведения хозяйства в местных условиях, пришли в упадок;
- 3) Замедлилось развитие промышленного производства в республиках Северного Кавказа;
- 4) С расширением демократии увеличилось число представителей этих народов, выезжающих за рубеж. Активизировались выступления на национальной почве коренного населения регионов, куда осуществлялось переселение депортированных народов, подчас принимающие агрессивно-националистический характер. Следовательно, увеличилось число этнических беженцев;
- 5) После восстановления государственности и социальной реабилитации депортированных народов возникли новые межнациональные конфликты с теми, кто заселил освобожденные земли и пустующие дома.

В заключение хотелось бы отметить, что многие проблемы межнациональных отношений на Северном Кавказе обусловлены исторически, их корни уходят в далекое прошлое. Неадекватный подход к решению тонких и сложных этнических, территориальных, языковых, конфессиональных и других вопросов породил большинство современных противоречий. В изменившихся социально-политических условиях они возникли вновь, создавая предпосылки для новых межнациональных конфликтов. В этой связи необходим беспристрастный анализ одной из самых трагичных страниц истории СССР [15].

Научные исследования в этом направлении должны обеспечиваться исторической основой исходных параметров концептуальных моделей развития общественных отношений, исследованием социальных взаимосвязей в тоталитарном государстве, использованием совокупности исторических и теоретических методов, соответствующих теории развития социальных систем, государственного управления, системного, комплексного, гуманистического, поликультурного подходов к проблеме депортации и последующей реабилитации, законодательных актов и монокультурных процессов советского государства,

интегрированных дифференцированных процессов в период разгосударствления на постсоветском пространстве.

Примечания:

1. Сборник законодательных нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М., 1993.
2. Центральный Государственный Архив Кыргызской Республики. Ф. 350. Оп. 17 с. Д. 155. ЛЛ. 12–15.
3. ЦГА КР. Ф. 350. Оп. 17 с. Д. 191. ЛЛ. 74–75.
4. Центральный Государственный Архив Политической Документации Кыргызской Республики. Ф. 56. Оп. 5. Д. 445. ЛЛ. 77–79.
5. ЦГА КР. Ф. 350. Оп. 2 с. Д. 34. ЛЛ. 13–20.
6. ЦГА КР. Ф. 350. Оп. 17 с. Д. 212. ЛЛ. 45–56.
7. ЦГА КР. Ф. 350. Оп. 17 с. Д. 160. ЛЛ. 76–79.
8. ЦГА КР. Ф. 350. Оп. 2 с. Д. 34. ЛЛ. 13–20.
9. Местоев О.М. Этнополитический конфликт как угроза безопасности Северо-Кавказского региона Российской Федерации (на примере осетино-ингушского конфликта). Автореферат. М., 2001.
10. Мужухоев М.Б. Средневековая материальная культура горной Ингушетии. Грозный, 1977.
11. Материалы по истории Владикавказа. Сб. док. Назрань, 2002.
12. Базоркин И. Собрание сочинений в 6-ти томах. Магас, 2002. т. 6.
13. Овдахов М. Итоги национальной политики советского периода и проблемы современной Чечни // Чечня: от конфликта к стабильности. М., 2001.
14. Мужухоев М.Б. Ингуши: страницы истории, вопросы материальной и духовной культуры. Саратов, 1995.
15. Джунушалиева Г.Д. Ссылные народы в Кыргызстане в годы Великой Отечественной войны: быт и трудовое обустройство спецпереселенцев // Былые годы. Черноморский исторический журнал. 2011. № 2 (20). С. 79–87.

Peoples' Deportation to Kyrgyzstan during Great Patriotic War

Gulnara D. Dzunashalieva

Kyrgyz Russian Slavic University, Kyrgyzstan
44 Kievskaya Str., Bishkek 720021
PhD in History, Assistant professor
E-mail: nachikyan@mail.ru

Abstract. This contribution reproduces the history of deportation of a number of people, resided in Chechen-Ingush Autonomous Soviet Socialist Republic to Kyrgyzstan during the Great Patriotic War, deals with the deportation process and the way of specially displaced people life in Kyrgyzstan, studies the problem of new understanding of Soviet past, basing on recently declassified archive documents of Central State Archive of the Kyrgyz Republic and Central State Archive of Political Documentation of the Kyrgyz Republic.

Keywords: specially displaced, special commandant's headquarters, deportation, labour reestablishment, residents of the North Caucasus.

UDC 913.1
(093.2)
325.254.6
(575.2)